

Замечательный ученый Александр Зимин говорил, что историком его сделал Александр Дюма, а исследователем, источниковедом - Шерлок Холмс, великий приверженец упрямых фактов и великий их толкователь. Александра Дюма часто упрекали в том, что, вольно обращаясь с фактами минувших лет, он насилует Историю. «Истинная правда, - соглашался знаменитый писатель. - Зато у нас появляются очаровательные детишки!»

Писатель знал, о чем говорил: своим гениальным вымыслом - захватывающей легендой о королевских мушкетерах - автор великого романа прославил французский XVII век на весь мир и на долгие времена!

Но на самом ли деле история столь невыразительна и скучна, что художнику нельзя с ней обойтись без «насилия», а ученому остается лишь смиренно следовать на почтительном расстоянии за блеклой достоверностью прошлого? Обращаясь к исходу того же века в России с его стрелецкими мятежами и казнями, историк Александр Зимин дал на этот вопрос ясный ответ: если в научной и учебной литературе стрельцы попеременно - но с неизменным схематизмом! - изображались «плохими» или «хорошими», то в «Хованщине» Мусоргского и у Василия Сурикова они - «настоящие».

На протяжении многих веков историк и писатель, как правило, соединялись в одном лице. С наступлением нового времени их пути расходятся, хотя прошлое всегда притягивало художественно одаренные натуры. К историческим сюжетам обращались Карамзин, Пушкин, Толстой, композиторы, живописцы, скульпторы. А в XX столетии явились такие своеобразные художники-исследователи, как Юрий Тынянов, Натан Эйдельман, Юрий Давыдов, Александр Солженицын...

Вместе с тем и в академической, «профессорской» среде встречались примеры великолепного сочетания научной эрудиции, художественной компетенции и даже мастерства перевоплощения в историческом повествовании. Один из самых ярких - Василий Осипович Ключевский. Федор Шалапин, которому довелось консультироваться с историком при работе над ролью Бориса Годунова, свидетельствовал: «Говорил он... так удивительно ярко, что я видел людей, изображаемых им».

И все-таки, Сергей Сергеевич, люди привыкли доверять художникам: эмоциональная сила искусства обретает убедительность документа. Тем более что в массе своей мы не копаемся в исторических архивах...

В нашей стране «общечеловеческий» соблазн сделать историю точной наукой был усугублен диктатом идеологии и политики. В «историописании» воцарились лаконизм, сухость и усложненность языка. А художественное творчество было и остается одним из способов познания и понимания человека в истории. Теперь назрела необходимость преодолеть отчуждение ремесла историка от искусства и в новых условиях возродить традицию цельного постижения исторической жизни. Потому и возникла мысль об издании журнала «Историк и художник». Наш журнал не ставит перед собой задачу представить историю в развлекательных картинках. Мы хотим выжить в самом ее развитии, в сцеплениях исторических событий и действующих лиц сюжет, интригу, драму и характеры.

Есть знаменитая притча о великом скульпторе, которого однажды спросили, как ему удается высекать из мрамора такие прекрасные статуи. Ответ стал хрестоматийным: «Очень просто: беру резец и отсекаю все лишнее». Ремесло историка в чем-то сродни работе скульптора. Тот и другой из груды необработанного материала создают некую композицию. Разница лишь в том, что историк не создает, не придумывает, а только распознает скрытые в ушедшей реальности образ и сюжетные линии, драматургию истории. И тогда он становится в чем-то похожим на художника.

Кто участвует в издании журнала?

Известные историки Олег Будницкий, Василий Зверев, Игорь Орлов, Виктор Тяжелыникова, Николай Цимбаев, историк культуры Всеволод Володарский, философ и эссеист Сергей Земляной, историки и писатели Анатолий Левандовский, Александр Немировский, москвовед Рустам Рахматуллин, историк кино и кинокритик Александр Трошин, кинорежиссер и сценарист Евгений Цымбал.

В одной из статей вашего журнала приводятся строки Пушкина: «Картину раз высматривал сапожник и в обуви

Сергей СЕКИРИНСКИЙ:

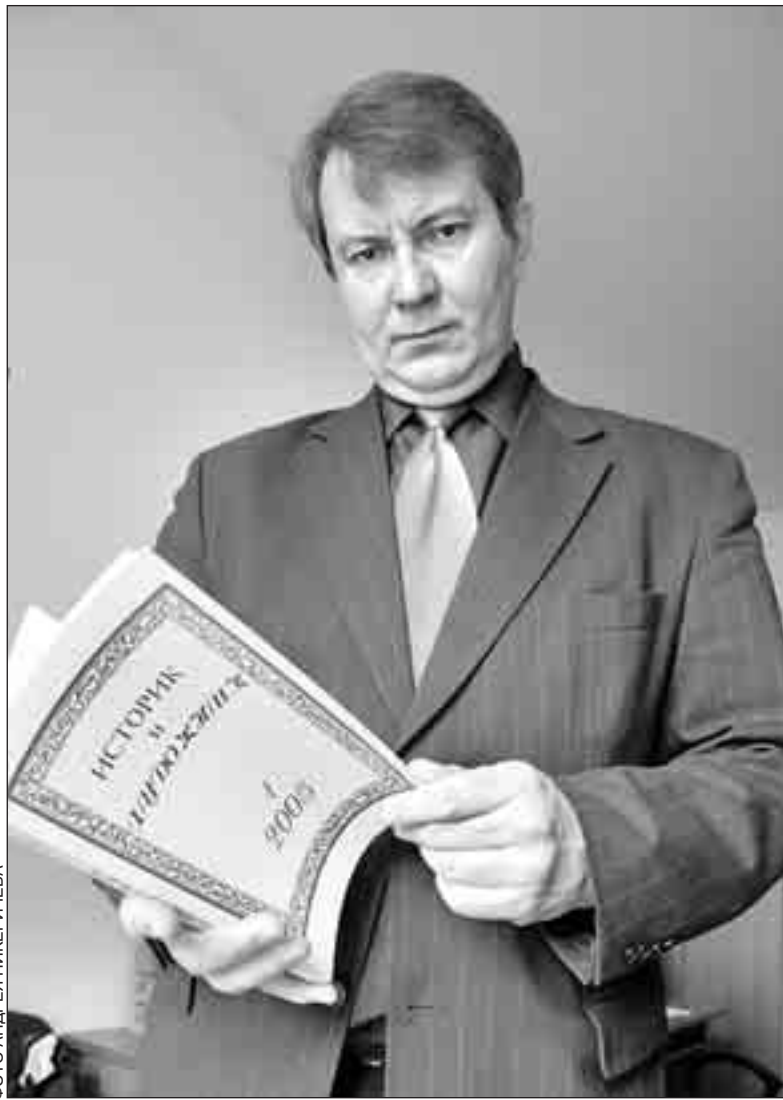

ФОТО АНДРЕЯ НИКЕРИЧЕВА

ЗА ИСТОРИЕЙ НУЖЕН ГЛАЗ ДА ГЛАЗ. ЛУЧШЕ - ДВЕ ПАРЫ ГЛАЗ!

Сергей Сергеевич СЕКИРИНСКИЙ - доктор исторических наук профессор, составитель и один из авторов коллективных работ «История России XIX-XX веков: новые источники понимания» и «История страны - история веков» - недавно стал главным редактором нового журнала «Историк и художник». Уже вышли в свет несколько номеров, и все они необычайно интересны даже для самой что ни на есть «ненаучной» аудитории. Вот как объясняет профессор Секиринский необходимость появления журнала.

ошибку указал; взяв тотчас кисть, исправился художник. Вот, подбочась, сапожник продолжал: «Мне кажется, лицо немного криво, а эта грудь не слишком ли нага?» Тут Аппеллес прервал нетерпеливо: «Суди, дружок, не выше сапога!» Сейчас особенно актуальной в творчестве историков и художников становится тема войны. Можем ли мы, стремясь узнать, какой война была в реальности, в полной мере доверять писателям, кинематографистам? Или прежде всего надо прислушиваться к ученым?

В конце сорок первого года один из наших историков, ушедших на фронт совсем еще молодым человеком, был ранен и оказался на госпитальной койке. Там он и сформулировал в стихах профессиональное требование для себя и своих коллег, дав по сути ответ и на ваш вопрос: «Слушай, историк! Поэт пишет кровью. Ты же о крови обязан писать». В этом двустишии скрыто и указание на существенное различие: поэту позволительно быть сосредоточенным на самом себе, на своих чувствах и переживаниях, историку это противопоставлено. Зато у него есть профессиональные привилегии. Скажем, чтение писем. Читая, например, пожелтевшие письма давно убитого на войне юного офицера, в которых - старомодно-застенчивые, прощальные слова о любви, историк должен быть очень чуток ко всем оттенкам чужих страданий, пережитых страстей, утраченных ощущений... Ведь на

письмах, по словам Александра Герцена, «запеклась кровь событий», они и на исторической дистанции сохраняют удивительный магнетизм. И тогда из-под пера ученого выходят такие строки, которые мне довелось прочитать в одном из новейших поэтических сборников, созданных профессиональными историками: «Я полюбила лейтенанта, который не пришел с войны»...

Однако ведь и писатели пишут о чужих страданиях и страхах. Вы, в сущности, говорите, что в изображении эпохи историк может стать равным художнику, а художник, отразивший войну, - равным историку.

Война стала основой художественных произведений как выдержавших испытание временем, так и давно забытых. Большинство самых ярких созданы бывшими фронтовиками уже после войны. Но вот один из шедевров военного времени - поэма Александра Твардовского «Василий Теркин». Это произведение не классовое, а национальное. В нем нет клише, которыми изобилует предвоенная литература - типа «Если завтра война, если завтра в поход, будь сегодня к походу готов». Реальность оказалась другой. Твардовский, будучи фронтовым корреспондентом, почувствовал, каким должен быть герой будущей поэмы, и обозначил его черты в своих очерках. Впервые после войны эти очерки будут опубликованы в номере нашего журнала, который выйдет ко Дню Победы...

В русской литературе был еще один Василий Теркин - из книги Петра Боборыкина. Твардовский знал о ней?

Приступая к созданию поэмы, еще не знал. Иначе не написал бы таких строк: «До войны едва в помине был бы Теркин на Руси». Да и неунывающему «труженику-солдату» было бы скорее всего подобрано другое имя. Роман Петра Дмитриевича Боборыкина «Василий Теркин» появился за полвека до поэмы Твардовского. У героев обоих произведений даже отчества одинаковы. Петр Боборыкин, известный бытописатель, рассказал в романе «Василий Теркин» о русском мужике, крестьянине, вышедшем в люди. Роман сначала появился в журнале «Вестник Европы» в 1892 году, потом в 1987-м - в собрании сочинений Боборыкина. После этого не переиздавался. Потому Твардовский его и не знал... О популярности первого Василия Теркина говорить сложно. Но, что характерно, выведенный в романе Боборыкина крестьянин, став богатым человеком, личный успех использует на благо Отечества. Он из тех предпринимателей, корни которых - в одной земле. Вот и Теркин Твардовского - настоящий народный тип.

Язык поэмы удивительно чист, свободен даже от обязательного лексического минимума советской эпохи. Не случайно Твардовский гордился языком поэмы: «Пусть читатель вероятно скажет с книжкой в руке: вот сти-

хи. А все понятно, все на русском языке»... В итоге оказалось, что сходство литературных образов-тезок простирается гораздо дальше имени, отчества и фамилии. Оба Теркина смелы, дерзки и речисты, они способны ободрить и увлечь за собой окружающих. Выходцы из глубинных деревенских мужиков, они - каждый по-своему - ведут общенациональный мотив, реабилитированный войной и в советской литературе: «От Ивана до Фомы, мертвые ль, живые, все мы вместе - это мы, тот народ, Россия».

Лет полтора назад русский историк и общественный деятель Константин Кавелин утверждал, что в России главная беда - «стертость» личности в общинном крестьянстве, составлявшем большинство народа. И в этом смысле выбор обоими писателями фамилий для своих героев, вышедших из крестьян, удивительно точен, а их совпадение не случайно.

А я от одного солдата - ветерана войны слышала, что всю правду о пережитом в Великой Отечественной ни один солдат не расскажет. Как же нам, родившимся после войны, судить обо всем, что там было?

Часто кажется: в понимании истории, подоплеку событий приоритет - у очевидцев. Но доверять их рассказам на сто процентов нельзя. Даже при расследовании различных правонарушений на автодорогах сотрудники ГАИ, следователи и судьи сетуют на разноречивую и противоречивую суждения свидетелей сиюминутных происшествий. Что же говорить об очевидцах и участниках исторических событий, в роли свидетелей которых они выступают, как правило, лишь много лет спустя! Поэтому профессиональный историк воссоздает реальность не только по воспоминаниям. Они слишком затуманены дымкой лет, наслоившимися впечатлениями, услышанными суждениями... Мемуары - и письменные, и устные - это самые недостоверные документы личного происхождения. Гораздо больше доверия вызывают письма и дневники, на которых «запеклась кровь событий».

Как это увязать с правдой художественных произведений, созданных после войны?

Книги Василия Быкова, Григория Бакланова, Юрия Бондарева, Виктора Астафьева и других творцов литературы фронтового поколения можно рассматривать и как своеобразные свидетельства о войне художников-ветеранов, и как памятники того времени, когда они создавались, начиная с послесталинской оттепели. Война никого не располагала к широкому взгляду на человека. Она диктовала свои законы. Вспомните стихотворение Константина Симонова, призывавшее «убить немца». Ну а после войны Вячеслав Кондратьев ворвался в литературу повестью «Сашка», в котором советский солдат страдает от того, что вынужден убивать людей. Для него немец - прежде всего человек. Сама новая проблематика этих произведений о войне, гуманистическая направленность военной прозы фронтового поколения была навеяна десятилетиями мирной жизни.

Какие статьи первых номеров журнала представляли наибольший интерес для широкого читателя?

Князь Сергей Урусов в своих воспоминаниях рассказывает о встречах с Николаем II. Открытки, которые мы предлагаем читателям, добавляют новое к характеру последнего русского императора. Нет людей, которые не знали бы песен Александра Галича - веселых, язвительных, глубоких. Мы представляем их исследование, сделав акцент на образе советского обывателя. К Борису Акунину как к историку люди относятся по-разному. Узнать о соотношении вымысла и достоверности в его произведениях, пожалуй, интересно всем. Мы показываем, каким под пером Акунина предстает XIX век. А рассказ о реалиях середины XX века мы построили, возвращаясь к одному из самых любимых фильмов последних десятилетий - «Покровские ворота». Женские детективы одни читают взахлеб, другие относятся к ним пренебрежительно. Но и литература такого жанра может стать объектом внимания историка, что подтверждает одна из статей нашего журнала...

Как ваше издание находит своих читателей?

Распространяется по подписке, которую можно оформить в любом отделении связи по каталогу «Пресса России», подписной индекс 87861.

Беседу вела
Елена БЕЛОСТОЦКАЯ